

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРАНА И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF IRAN AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

A. Nikpour

Annotation

There has been a heightened interest in Iran and Russian – Iranian relations in scientific literature and media recently. However, a comparative analysis of the development of Russian and Iranian economies is so far lacking. It is the sequence of the established opinion that Russia and Iran are too different countries. The aim of the article is to dispel the view, since socio-economic development of the two countries has much in common. The author focuses on the development of financial policy and anti-crisis measures of the Iranian government in recent years, comparing them to the general course of Russia's economic policy. The article shows that Iran has largely gone away from the model of "theocratic capitalism", but still tries to follow the strategy of statism in economy. An important aspect of this work is the consideration of the reaction of Iranian economy to international sanctions. The author concludes that the policy of import substitution which has been pursued by Iran for several decades is not as inefficient as one is accustomed to think in the West.

Keywords: Iran, Russia, sanctions, catch-up development, Islamic Economics, development Economics.

Никпур Амирреза Голамреза

Аспирант,

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В последнее время в научной литературе и СМИ проявляется повышенный интерес к Ирану и развитию российско-иранских отношений. Но исследователями до сих пор не проведен сравнительный анализ развития российской и иранской экономик. Это является следствием устоявшегося мнения о том, что Россия и Иран – слишком разные страны. Цель данной статьи – опровергнуть подобные представления, поскольку в социально-экономическом развитии двух стран обнаруживается немало сходства. Автор делает акцент на вопросах развития финансовой политики и антикризисных мероприятий правительства Ирана за последние годы в сравнении с общим экономическим курсом России. В статье показано, что Иран в значительной степени ушел от модели "теократического капитализма", но, по-прежнему, старается придерживаться стратегии этатизма в экономике. Значимым аспектом данной работы является рассмотрение реакции иранской экономики на международные санкции. Автор приходит к выводу, что политика импортозамещения, которая проводится в Иране уже несколько десятилетий, не является столь неэффективной, как принято считать на Западе.

Ключевые слова:

Иран, Россия, санкции Запада, догоняющее развитие, исламская экономика, экономика развития.

Целью статьи является выявление сходства и различия в социально-экономическом развитии Ирана и России. В 2000-е гг. и в наши дни Иран переживает индустриализацию, в России тоже сделаны крупные шаги по преодолению деиндустриализации экономики – наследия либеральных реформ. Россия отказалась от инфляционного курса стимулирования экономического роста еще до кризиса 2014 г., когда Иран, несмотря на санкции, продолжил движение в том же направлении. Хотя к 2017 г. инфляцию удалось обуздать, ее процент составил 7%, что было достигнуто во многом за счет роста безработицы [3]. Инфляционный курс привел советскую модель экономики к краху, но иранская экономика, несмотря на высокую нагрузку государственных расходов, продолжает уверенно двигаться вперед. Россия опасается скатывания к ситуации начала 1990 гг., нас продолжает преследовать "призрак" гиперинфляции периода реформ Е.Т. Гайдара. Процесс перехода российской экономики к рынку шел медленно, базовые институты современной рыночной экономики возникли с опоз-

данием (в качестве примера достаточно вспомнить недавнюю пенсионную реформу). В Иране процесс реформирования экономики некоторые востоковеды называют "затянувшейся перестройкой". Несмотря на все сложности догоняющего развития, Иран вышел на показатель роста экономики 7% в 2016 г. на фоне феноменально быстрого снижения инфляции с 40% в 2013 до 7,5% в 2016 г. [3], при этом правительство провело монетизацию льгот. Очевидно, победа над инфляцией во многом объясняется институциональным устройством Исламской республики Иран.

Многие считают исламский банкинг неэффективным инструментом, но опыт Ирана показывает, что это не совсем так, поскольку стране удается преодолеть кризис кредитно-банковского сектора в условиях роста инфляции. В этой связи стоит вспомнить, что российский опыт 2000 гг. во многом напоминает развитие банковского сектора ряда восточных стран – кредитно-банковский сектор также пошел по пути укрупнения банков и сокращения мелких банков с высоко рискованными активами.

Только в Иране процесс укрупнения банков завершился до начала их приватизации, когда в стране установилось доминирование трех крупных банковских структур. При этом реальный сектор экономики Ирана не нуждается в столь масштабном финансировании со стороны банков, как это имеет место в России. Банковские кредиты производству идут в основном для создания новых предприятий в приграничных зонах.

Однако между Россией и Ираном есть различия в финансовой политике, и этим объясняется разница в развитии инфляции. В 2012 г. банк "Миллят" объявил о выпуске облигаций под 20% на срок в 4 года, что дало значительный эффект. Государство в Иране направляет финансы на создание специальных промышленных центров. К началу 2012 г. подобным образом в стране были построены около 27 тыс. промышленных предприятий. Но достигнут такой результат был во многом за счет расходования всего стабилизационного фонда Исламской республики – примерно 55 млрд долларов США]. И это было сделано при том, что Иран тратил в начале 2010 гг. около 30% ВВП на наемление, что больше, чем в России примерно на 5%. Свои результаты дала приватизация 2000-х гг., которая в Иране оказалась более эффективной, чем в России в 1990 гг. В итоге в 2008–2009 гг. частные инвестиции в иранской экономике вдвое превысили государственные [4, с. 16, 17], а Россия в это время в условиях мирового финансового кризиса шла по пути вытеснения частных инвестиций государственными. Несмотря на продолжение либерализации экономики в 2000-е гг., в России сохранялась высоко затратная система субсидирования производств. Иран тоже имел подобную систему, но в дальнейшем правительство Исламской республики отказалось от ее использования. Однако процесс вывода экономики из-под сильной государственной опеки сопровождался в Иране расширением расходов на социальную политику, которая осуществлялась в основном за счет налога на добавленную стоимость (НДС).

С помощью сумм НДС правительство Ирана выплачивало компенсацию бедным семьям и даже семьям со средним достатком, которые оказались в стеснительном положении из-за роста цен вследствие отмены субсидий. 30 миллиардов долларов были выделены для помощи домохозяйствам в 2011 г., 10–15 миллиардов долларов – для поддержки компаний, которые выпускали товары народного потребления. Последняя мера в значительной степени снизила после 2013 г. процент инфляции на фоне установления потолка в 12% на депозиты [4, с. 16–18], что сократило возможности банков для расширения кредитования, но, в то же время, уменьшило базу для развития инфляции. В 2011 г. произошло заметное замедление роста иранской экономики, что объясняется действием санкций, принятых еще до 2010 г. Таким образом, можно утверждать, что 4–5% прироста ВВП Ирана создается за счет внешней торговли. Внутренние структурные преобразования не дали столь ощутимого результата, как, например, в СССР в 1930-е или в 1950-

1960-е гг. Следует отметить, что российский опыт структурных преобразований свидетельствует о таком же результате.

Влияние на снижение темпов экономического роста имела реализация правительственных программ. Во-первых, недостаточно эффективной, с точки зрения развития крупного иранского бизнеса, была приватизация. Во-вторых, программа строительства жилья для молодых семей "Мехр" оказалась столь затратной, что встретила возражения Государственного совета [4, с. 16]. В Иране и России сложились различные демографические ситуации и особенности рынка труда. Иранский социум относится к молодым обществам с быстрым демографическим ростом (рис. 1), пережившим взрыв в 1970–1980-е гг. Это обстоятельство предопределило роль Ирана как экспортера рабочей силы. Но также надо отметить, что интеграция страны в мировую экономику оказалась затруднена именно из-за демографического фактора. Конкуренция со стороны иностранных товаропроизводителей нарушала систему рынка труда страны, что и стало одной из причин Исламской революции 1979 года. Несмотря на попытки преодолеть бедность в стране посредством радикальной экономической политики, 40% населения Ирана жило в конце 2000-х гг. за чертой бедности на фоне относительно высокой безработицы [5, с. 5], которая колеблется от 12 до 17% в год.

Анализировать экономику Ирана достаточно сложно из-за дефицита точных статистических данных, которые собираются довольно медленно. Кроме того, в последнее время власти страны неохотно информируют население об экономической ситуации в стране [8, р. 883].

Социальная структура Ирана имеет типично восточный характер с явно выраженным социальным расслоением общества. Как и в других восточных странах, этот процесс снижается за счет роста образования молодежи. Высший класс иранского общества в дореволюционный период составляли приближенные к шаху семьи, владевшие производственными активами и сельскохозяйственными землями. После Исламской революции принадлежность к высшему классу сохранили за собой крупные землевладельцы и торговцы, утратив политическое влияние, уступив его шиитскому духовенству (оно и при шахском режиме сохраняло сильные позиции в обществе). В ходе приватизации все более заметную долю в высших слоях общества начинают составлять представители Корпуса стражей исламской революции и боньядов (исламских фондов).

Социальные группы с низкими доходами составляют основу иранского общества и систематически получают субсидии и другие выплаты от государства. Политика субсидий и прямой финансовой помощи отразилась в падении уровня бедности и сокращении неравенства в доходах. Однако за последние годы вследствие внутренних и внешних факторов процесс социального выравнивания остановился. Этим Иран напоминает Россию, но лишь отчасти. Доходы россиян вышли на уровень 1990 г.

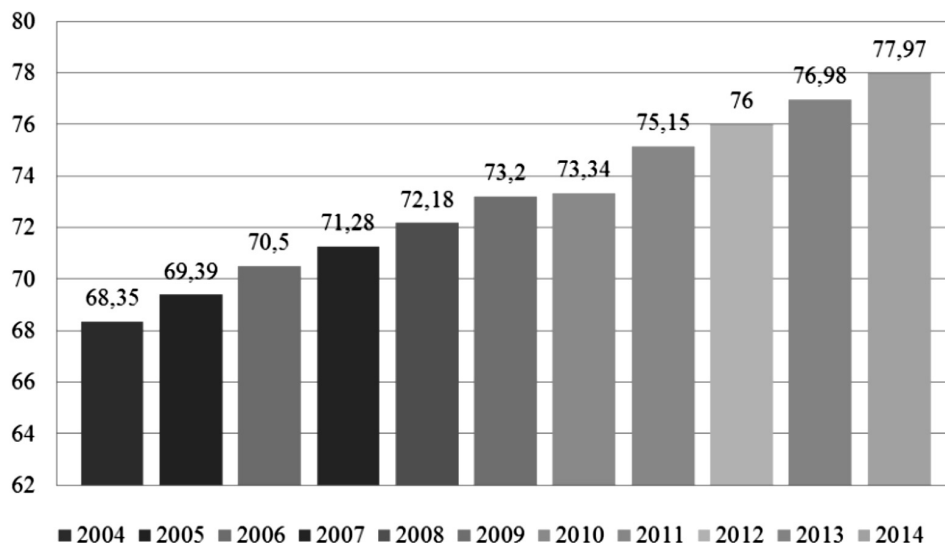

Рисунок 1. Динамика численности населения Ирана Составлено по: [7 , с. 44].

только к 2005 г., потом рост доходов населения затормозился и пошел вспять. Доходы иранцев достигли уровня нефтяного бума кануна Исламской революции только в 2007 г. [8, р. 878], что было вызвано последствиями Ирано–иракской войны. Но затем из-за мирового финансового кризиса и общего замедления мирового экономического роста доходы иранского населения перестали расти, а во многих случаях снизились. Поэтому российская и иранская модели экономики являются, как моделями догоняющего развития, так и посткризисными моделями, целью которых является возвращение в зону прошлого благополучия, стремление найти точку возврата и начать оттуда движение. Только в Иране такая точка возврата находится в сфере рыночной экономики и развитых капиталистических отношений, а для России – в рамках плановой экономики. Однако есть еще одна существенная черта, которая сближает российскую и иранскую экономики – их рост не может в долгосрочной перспективе опираться на расширение внутреннего потребления из-за его медленного роста [8, р. 883].

Социально–экономическое развитие Ирана протекает в духе идеалов Исламской революции. Это означает, что религиозная доминанта является решающей в структуре иранской экономики. Главными целями исламизации иранской экономики были сдерживание конкуренции (особенно со стороны западных фирм на иранском рынке), ограничение роста банковского процента (в связи с запретом ростовщичества в исламе). Поэтому к концу 2000–х гг. в Иране сложилась своеобразная система экономики: 60% национального рынка контролируется ассоциациями мелких и средних предпринимателей, объединенных в систему под названием "базар", а 20% – крупным бизнесом, который связан с реформаторскими кругами [1, с. 67]. Однако бизнес–элита представлена также и консерваторами, которые придерживаются курса

президента Махмуда Ахмадинежада (2005–2013 гг.). Именно консерватизм доминирует в сфере макроэкономической политики и в системе поддержки институтов развития.

По Конституции Исламской республики (статья 44) иранская экономика разделена на три сектора: государственный, кооперационный и частный [6, с. 262]. К государственному сектору относятся естественные монополии, в сфере кооперации осуществляется производство преимущественно общественных благ, но уже на мезоуровне. В этом отношении иранская экономика напоминает российскую. Правда, до середины 2000–х гг. нефтехимия и машиностроение в Иране находились в основном в руках государства. Национальная экономика страны имеет мало общего с Западом, она продолжает развиваться в русле концепции третьего пути, поэтому нельзя сказать, что в Иране есть капитализм в привычном понимании этого слова, поскольку на частный сектор приходится только 20% активов экономики [5, с. 5]. Это обстоятельство делает формирование слоя крупных собственников практически невозможным, почти все наиболее богатые люди в Иране – это предприниматели, получающие государственные заказы.

Экономическая активность в Иране поддерживается через институт "боньяд", или "религиозные фонды", которые являются на деле крупными хозяйственными объединениями, контролирующими значительную часть иранской экономики, им принадлежат предприятия в самых разных отраслях. Крупнейшим из таких фондов является фонд "Боньяд–э мостазафан" (Фонд обездоленных), который распоряжается имуществом стоимостью в 12 млрд. долларов, его ежегодная прибыль выше всех налоговых поступлений в государственную казну Ирана [5, с. 5]. "Фонд обездоленных" и "Фонд мучеников" финансируют все социальные мероприятия, включая меди–

цину и народное образование. "Фонд обездоленных" имеет также право на участие в торговых операциях с нефтью. От 30 до 40% иранской экономики контролируется такими фондами, которые имеют преимущество перед независимыми частными компаниями в доступе к кредитам, валюте и государственным лицензиям.

Как показал анализ результатов приватизации, старая иранская система хозяйственного устройства не была эффективной, так как опиралась на государственные предприятия. Однако норма прибыли на инвестированный капитал далеко не во всех случаях росла после приватизации [6, с. 265]. Повышение капитализации, как и прибыли после налогообложения, не были в Иране приоритетными установками для крупных предприятий до середины прошлого десятилетия. Надо сказать, что приватизация в Иране не носила такого массового характера, как в России. В приватизационный список 2005 г. были включены только 120 предприятий, и в 2007 г. – еще 20 предприятий. Доступ иностранных инвесторов к участию в них был ограничен нормой 10% от пакета акций приватизируемого предприятия. Для банков такое ограничение действовало в пределах 5–6% от пакета акций. Единственным местом, где могли реализовываться акции приватизированных предприятий, стала Тегеранская фондовая биржа. Значительная часть выпущенных приватизированными предприятиями акций попала в разряд так называемых "акций справедливости", которые распределяются среди бедных слоев общества [4, с. 18, 19]. Часть акций приватизированных предприятий поступила в "Фонд справедливости". Однако эффективность акций этого фонда, как инструмента увеличения капитализации иранских крупных предприятий, оказалась довольно низкой. То же самое можно сказать и о ваучерной приватизации в России в начале 1990-х гг.

Выше был затронут вопрос влияния демографических

процессов на рынок труда Ирана. Но здесь, как и в других исламских странах, есть свои особенности развития. В первую очередь это касается женской занятости, которая накануне Исламской революции и некоторое время после нее составляла только 10%. В 2000-е гг. ситуация изменилась, этот показатель составил уже 20% [8, р. 878]. Однако и это явно недостаточно и не меняет кардинально традиционного отношения в Иране отношения к женской занятости и к позиции женщины в семье. В стране сохраняется модель семьи, где основным кормильцем остается мужчина-глава.

Россию и Иран также сближает проблема отношений с Западом, обе страны находятся под санкциями, которые во многом сдерживают рост иранской экономики, которая отстает даже от Саудовской Аравии, обладая в 2,5 раза большим населением. В результате реакции ООН на иранскую ядерную программу, общий объем замороженных за рубежом активов составляет 100 млрд. долларов. При этом инфраструктурные проекты в Иране требуют инвестиций в 261 млрд. долларов [2, с. 9]. Инвестиции в иранскую экономику в настоящий момент на фоне снижения цен на нефть являются малопривлекательными.

Опыт Ирана ценен для России на современном этапе развития тем, что он показывает, как правительство может проводить политику лавирования между этатизмом и поддержкой эффективной работы рыночного механизма. В этом отношении Россия и Иран, как видно из приведенных выше сопоставлений, не слишком сильно различаются между собой. Для России был бы полезен опыт создания специальных фондов для решения задач развития именно социально ориентированной рыночной экономики. В Иране политика либерализации экономики и стимулирования ее роста путем усиления рыночного механизма неизбежно ведет, как и в России, к необходимости наращивания расходов в социальной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благова А.С. Трансформация ценностей в сфере бизнеса в России и Иране: сравнительный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1. С. 59–71.
2. Коннов О. Почему экономика Ирана ждет российских инвесторов // РБК daily. 28 октября 2015. № 198. С. 9.
3. Коровкин В. Жизнь после санкций. Как Иран справляется с ростом экономики // Republic (Slon). 31 марта 2017. № 3–31. URL: // <https://republic.ru/posts/81192>
4. Мамедова Н.М. Иран и экономический кризис // Свободная мысль. 2012. № 9. С. 14–24.
5. Мирский Г. Иран: трещина в системе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. С. 3–13.
6. Раджадбали А.Х. Влияние приватизации для улучшения финансовых показателей и эффективности государственных компаний в Иране // Крымский научный вестник. 2016. № 2 (8). С. 258–269.
7. Юртаев В.И. Россия и Иран: проблемы стратегического партнерства // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под редакцией Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 36–51.
8. Djavad Salehi-Isfahani and Marenglen Marku. Reversal of Fortunes: The Rise and Fall of Lifetime Earnings of Iranian Men // Economic Development and Cultural Change. 2011. Vol. 59. No. 4. P. 877–903.